

УКРАИНА: ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЙ УЧЕБНИК ПСИХОЛОГИИ*

Парадигма интерсубъективности – одна из наиболее продуктивных современных философских тенденций в гуманитарном познании. И хотя идея выделить в структуре субъекта некоторую часть, общую с другими, за счет которой возможна их общность и коммуникация (общение) принадлежит еще Э. Гуссерлю, ее эвристический потенциал используется в психологии крайне мало. Большинство модных ныне активных методов обучения предпочитают “пересоздавать” интерсубъективные характеристики участников межличностного взаимодействия, специально развивая или формируя коммуникативные свойства последних. То же самое касается учебного диалога – отсюда многообразие различных пропедевтических курсов и т.п.

Рецензируемый учебник опирается на базовые психологические представления студентов, их опыт самонаблюдения, общения и взаимодействия с людьми. Авторы не противопоставляют две формы знания (обыденную, житейскую и научно-академическую), а используют первую в качестве основы для овладения второй. В процессе работы над учебным материалом постоянно присутствует возможность иллюстрировать излагаемые положения собственными наблюдениями читателя, теми или иными аспектами его внутреннего опыта. Живой диалог помогает лучше понять и осмыслить научные абстракции, которые структурируют систему представлений студента в рамках общей психологии как основополагающей, базовой дисциплины.

В качестве такого введения в человекознание особенно выигрышным выглядит второй раздел, посвященный проблеме методов психологического исследования. Методология и методы – краеугольный камень психологического образования, и выбор экспериментально-генетического метода в качестве системной основы структурирования теоретического знания весьма удачен. Ведь логика данного метода предусматривает активное моделирование и воспроизведение в специальных условиях закономерностей возникновения и становления психических функций в онтогенезе. “Фиксируя объективную диалектику вещей, метод порождает субъективную диалектику идей, диалектику психического, развивающегося по законам действительности”, – пишет С.Д. Максименко. Эвристический потенциал данного подхода достаточен как для собственно дидактических целей, так и для исследовательской работы, и возможности изучения психического в рамках экспериментально-генетического метода широко представлены в учебнике.

Авторский коллектив выбрал удачную логику изложения материала: от закономерностей онтогенеза психики – к конкретным способам ее функционирования (на уровне лич-

ности и социальных общностей), и далее – к механизмам воздействия на объективную действительность. Хорошо продумана последовательность анализа общепсихологических форм интенциональной активности личности: отражение – объективация образа мира – субъективация индивидуальных характеристик в процессе взаимодействия человека с миром.

В учебнике наряду с традиционными разделами и темами общей психологии представлен достаточно большой объем нового материала (см. главы 5, 20, 22). Очень выигрышно сочетание общепсихологического знания с социально-психологическим, элементами возрастной психологии и психологии личности: студент найдет разделы, посвященные жизненному пути человека, общению, видам и функциям социальных групп, учению и игре, отношениям руководства и подчинения. Менее удачным выглядит четвертый раздел, излагающий основы ряда зарубежных теорий личности (преимущественно взгляды К.Г. Юнга). Возникает вопрос – почему именно Юнг (а не, скажем, З. Фрейд или Г. Оллпорт)? Да и сами положения аналитической психологии представлены несколько односторонне.

В целом же появление “Общей психологии” под редакцией С.Д. Максименко можно только приветствовать. Личный опыт преподавания основ общей психологии студентам различных форм обучения, как и мнения других преподавателей, читающих данный курс в разных типах высших учебных заведений – от военных училищ до институтов предпринимательства – свидетельствует, что найдена очень удачная модель изложения основ психологического знания. Учебник в равной степени пригоден для обучения психологов (для них это базовый уровень, дополняемый по мере необходимости специальными пособиями и монографиями, работами отечественных и зарубежных классиков) и непсихологов (книга содержит необходимый и достаточный объем сведений, стимулирует интерес к психологии, удачно сочетая высокий научный уровень с доступностью изложения). Перед нами пособие, реализовавшее давно необходимый переход от “марксистско-ленинской психологической науки” к современной теории и практике, весьма причудливо сочетающей порой вундтовскую психологию с постмодернистскими рефлексиями сознания и бессознательного. Радует появление этой книги, потому что очень нужен в Украине хороший, добротный учебник общей психологии на русском языке.

В.К. Калинин,

доктор психол. наук, зав. кафедрой психологии
Таврического национального университета
им. В.И. Вернадского

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОНОГРАФИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Выход в свет в Нью-Йорке в 1997 г. объемистого фолианта, содержащего работы известных психологов из Соединенных Штатов и постсоветских республик, относится к значимым событиям в силу оригинальности замысла и весомости его исполнения. Ведь долгие годы психологическая наука развивалась в жестком самоотчуждении от самой себя (как впрочем и многие другие науки), обусловленным вынужденным отторжением значительной ее части от неких осей развития психологического познания. Не грех, право, и напомнить: в Советском Союзе существовали идеологические ог-

раничения на доступ к зарубежной научной периодике по общественным наукам; учитывая постулаты “единственно верного учения”, советские психологи были обречены лишь критиковать западную психологическую “буржуазную” мысль. А раз так – задача антибуржуазной науки – камня на камне не оставить от любой, даже самой оригинальной мысли ученого “оттуда”, если уж ему так не повезло, что его сознание определяется “буржуазным” бытием. Трудно сказать, чем, в сущности, было вызвано паразитирование идеологии на науке: беспомощностью самой идеологии, или просто характером ее природы. Не имея возможности стать “живым мифом”, наподобие религиозных, идеология нуждалась в постоянной подпитке со стороны бесконечно развивающейся науки, дабы жить за ее счет.

Принято думать, что нельзя стыдиться собственной истории. Но читая “Введение” в той его части, которая подготов-

*Рец. на кн.: Общая психология / Под ред. Максименко С.Д. М.–Киев: “Рефл-бук”, “Ваклер”, 1999. 528 с.

**Рец. на кн.: States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues on Psychology / Ed. by Diane F. Halpern & Alexander E. Voiskounsky. Oxford University Press, 1997. 428 p.

лена А.Е. Войскунским и касается нашей советской истории психологии, чувствуешь одновременно и боль, и стыд. Ведь не только ученые гибли в концентрационных лагерях, от идеологической травмы, в войнах, но и саму науку психологию, как мы хорошо знаем, чуть не запретили в начале 50-х гг. соответствующим партийно-правительственным распоряжением на одной из так называемых "Павловских сессий", и только мужество и находчивость авторитетнейших ученых того времени – А.И. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова – в буквальном смысле спасли ее от административной угрозы под предлогом, что уже есть "единственно верное" учение о ВНД.

А в это время психология на Западе, в том числе – в Соединенных Штатах, продолжала развиваться в привычной университетской среде, в устоявшихся формах внутринаучных споров и столкновений, далеко отойдя, в конце концов, и от многократно обруганного у нас классического бихевиоризма, и от классического же психоанализа. Но различие "состояний ума", менталитета все же оставило столь глубокие то ли следы, то ли шрамы в наших душах, что оба редактора-составителя – и Войскунский, и Халперн, вновь и вновь объясняют простодушному североамериканскому читателю (а надо сказать, что книга эта рассчитана прежде всего на американского читателя): дескать, да, в самом деле, в СССР были и даже сейчас в бывшем СССР остаются такие реалии, которые просто нельзя понять, ибо нет им логического и разумного объяснения. Но они существуют, и, следовательно, с ними нельзя не считаться. Допустим, невозможно получить информацию в архивах КГБ, сколько же советских ученых было сослано в лагеря. Такую информацию получать не запрещено, но доступ к ней невозможен (с. 9).

И вот, учитывая абсурдность исторических перипетий советской психологии и непростые судьбы самих психологов, редакторы честно делятся своими трудностями в выборе тематики исследований, которая в равной степени была бы интересна и полезна североамериканским и постсоветским психологам. И, надо сказать, такая позиция редакторов-составителей представляется оправданной. Советская психология так долго находилась взаперти, что, быть может, не худо уже и познакомиться с нею, поскольку, за исключением трудов крупнейших представителей советской психологической науки – Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, западный читатель, в сущности, не знает ее, а вследствие этого не знаком с направлением, проблематикой и духом текущих наших исследований.

Книга состоит из четырех разделов: "Политика и убеждение", "Современный кризис душевного здоровья", "Предрассудки и межэтническая вражда", "Экологическая психология и психология среды обитания". Как видно из структуризации книги, редакторы-составители во главу угла вынесли актуальную прикладную проблематику, пытаясь тем самым создать общее пространство для научного партнерства, напроочь исключив методологически-идеологическую риторику. Психологии отводится то место, которого она, согласно воле составителей, очевидно, заслуживает: служебно-прикладная наука, пытающаяся описать, что происходит в человеческом мире.

Чтобы англоязычный (или только североамериканский?) читатель все понял правильно, Войскунский и Халперн поместили в конце сборника заключение "Два лика психологии", где еще раз подчеркнули, что есть некоторые различия между советской и североамериканской традициями научного анализа (скажем, постсоветские психологи предпочитают использовать самоотчеты испытуемых, а североамериканские – независимые переменные – с. 410) и др. Но в то же время есть и общее – например, обеспокоенность судьбами природы и т.п. Общий смысл "Заключения", как мне представляется, состоит в резюмировании содержания сборника и представлении важных для зарубежных читателей акцентов.

Попытаюсь и я проделать подобную работу для русскоязычного читателя. Начну с первого раздела, в который включены шесть работ: по две под рубриками "Политическая психология", "Психология честности и лживости" и "Реклама и СМИ" (по одной статье – советских и американских авторов – в каждой рубрике). Это статьи В.Ф. Петренко

и О.Б. Митиной "Психосемантический подход к политической психологии: картография российского политического мышления" и статья проф. психологии университета Беркли Ф. Тетлока "Психологические перспективы в международном сотрудничестве и конфликтах" (рубрика "Политическая психология"); В.В. Знакова – "Постижение лжи: русский взгляд" и проф. университета Калифорнии в Сан-Франциско П. Экмана "Введение в заблуждение" (рубрика "Психология правдивости и лживости"); Д.А. Леонтьева – "Российская реклама в поисках психологии" и проф. психологии университета Калифорнии в Санта-Круз Э. Пратканиса "Социальная психология массовых коммуникаций: американская перспектива" (рубрика "Реклама и СМИ").

Каждая из статей данного раздела, без сомнения, представляет собой важную, глубокую и неравнодушную попытку авторов всесторонне осветить свой предмет исследования, представить изучаемый фрагмент действительности максимально точным и исчерпывающим образом. Так, статья Петренко и Митиной, открывающая раздел, с высокой точностью и скрупулезностью, основанных на психосемантических методах исследования и многомерной статистике, представляет динамику формирования процессов российского политического сознания среди населения в период с 1991 по 1993 гг. в разнообразных тенденциях и широком идейно-идеологическом спектре. То, что еще Гегель называл "мешаниной представлений", у авторов статьи приобретает четкое и стройное описание, из которого становится ясной система основных смысловых координат, структурирующих общественное политическое сознание россиян – от стремления к демократическим свободам вопреки тоталитаризму до превалирования ценности экономического развития над ценностями экологическими, – что в целом для внимательного читателя несет столько сущностной информации об умонастроениях и состоянии целого общества, что ее просто невозможно переоценить. В особенности, когда речь идет об иностранных потребителях подобной информации.

Тетлок, известный калифорнийский психолог, посвятил свою статью ретроспективному анализу основ международной политики в эпоху "холодной войны" и возможным перспективам межгосударственного существования в XXI столетии, предполагая, что доминирующими силами в то время будут тенденции к глобальной мирной федерации капиталистических сообществ (с. 69). Автор в своем ретроспективном анализе основывается на когнитивных схемах и феноменах, а также поведенческих законах (типа закона эффекта Торндайка), рассматривая систему представлений (биполярную или полиполярную), зависимость между решениями и их последствиями, роль фундаментальной ошибки атрибуции, значение метафизического мышления или мышления аналогиями, роль общего представления (концепции) о мире в формировании той или иной политической доктрины, приходя в итоге к вопросу: какую же роль могут играть психологи на изменяющейся сцене мира? (с. 70). Общий ответ известного исследователя более чем осторожен. Он предупреждает, что опасно не осознавать того, как собственные концепции или предпочтения психологов могут проецироваться на действительность, искажая ее. Но столь же опасно не сопротивляться соблазну провозглашения того, что знаешь больше, чем на самом деле способен доказать (с. 71), призывая к более высоким нормам доказательности в политической психологии.

Знаков, основываясь на экспериментальных исследованиях как своих коллег, так и собственных, в своей статье приходит к выводу, что отношение ко лжи в западных правовых сообществах и в российском социуме носит принципиально разный характер. Это не позволяет создать единую транскультурную психологию правдивости-лживости, учитывая несоответствия в смыслах и жизненной практике русского и западного человека (с. 90), с чем, безусловно, нельзя не согласиться. В то же время знаменитый Экман основное внимание уделяет вопросу о том, "как, когда и почему поведение может вызывать ложь" (с. 93). Всесторонне рассматривая поставленную проблему, он оставляет вопрос, в общем, открытым, указывая лишь на то, что ложь в разных ситуациях,

на разных уровнях (от семьи до межгосударственного общения) и с разной мотивацией, как и правдивость, имеют некое общее начало, даже если сами виды лжи и не всегда похожи. Начало, коренящееся "в нашем отношении к этичности лжи" (с. 104), воспитываемом еще в семье.

Леонтьев интригующе выстраивает сюжет вокруг проблематики рекламы в российской психологии. Коротко описав историю рекламы в России с начала XX в., он в духе Джерома К. Джерома пронизывает над псевдорекламой эпохи "развитого социализма", когда, скажем, лозунг (или, на языке рекламы "слоган") "Летайте Аэрофлотом" воплощал самую абсурдную суть советской рекламы как таковой, поскольку других авиакомпаний то не было. Рассматривая рекламный бум первых лет так называемой "перестройки", он показывает, как постепенно к новоявленным бизнесменам приходило понимание выгоды и манипулятивного потенциала этого вида информационно-воздейственной деятельности, так утонченно и в то же время грубо подчиняющей себе поведение масс даже вопреки жизненным интересам людей. В заключение статьи приводятся сведения о первых экспериментальных исследованиях автора и его коллег, посвященных степени действенности постсоветской рекламы.

Пратканис, анализируя механизм воздействия СМИ на аудиторию в трех государствах XX века: США, СССР и Третьем Рейхе, указывает, что традиционные модели воздействия отличались некоторыми принципиальными моментами. В США упор делался на аргументацию и плюрализм, в СССР — на образование масс, а в Третьем Рейхе — на воодушевление масс. Глубокий анализ информационно-экономических аспектов потребления современных СМИ (каждый житель США видит в среднем около 400 реклам в день; США потребляют 57% мировой рекламы и т.п. — с. 129) позволил автору сделать совершенно определенный вывод: "СМИ являются коммерческими предприятиями (с. 130) и главная их цель — приносить прибыль. Учитывая, что число источников информации ограничено, легко понять, что "СМИ призваны сохранять постоянство видения реальности" (с. 190). Что же касается сугубо политических аспектов СМИ, то исследователь из США, внук эмигранта из Литвы, с беспощадностью ученого констатирует: главная задача политиков — купить или захватить время СМИ. При этом со времен Гитлера, который, по совету Геббельса, выступал по радио после популярных певцов, развлечение идет рука об руку с оболваниванием. Но, пожалуй, самая потрясающая информация Пратканиса относится к роли СМИ в президентских выборах и выборах других уровней. Она выглядит так: "В зависимости от затрат на эфирное время, возрастает и важность СМИ... Обычные победители тратят вдвое больше денег, чем побежденные — к примеру, чтобы попасть в сенат, надо было потратить 3,4 миллиона долларов (в то время как проигравшие затратили в среднем 1,9 миллиона)" (с. 148).

Исследователь отмечает, что развлекательные программы СМИ в США занимают второе место в экспорте страны, что новые формы СМИ (Интернет, виртуальная реальность, кабельное ТВ) по-новому ставят проблему кросс-культурного сопоставления использования СМИ и заставляют нас всех вновь и вновь думать над тем, насколько эти средства культуры соответствуют человеческим идеалам.

Второй раздел также включает в себя шесть работ, входящих в рубрики "Алкоголизм" (статьи проф. факультета психологии университета в штате Айова П. Натана "Алкоголизм в Америке: распространенность, диагноз, этиология, лечение и предупреждение" и Б.С. Братуса "Алкоголизм в России: внутренний враг"), "Психологическая травма" (работы директора Центра психиатрии детей и подростков Т. Крамер и проф. психиатрии в университете Джорджтауна Б. Грин "Посттравматическое стрессовое расстройство: исторический контекст и эволюция" и М.С. Магомед-Еминова "Посттравматическое стрессовое расстройство как утрата смысла жизни"); "Демографические перемены: новое старое" (статья проф. психологии Технологического института штата Джорджия Т. Солтхауза "Геронтопсихология: западная перспектива" и В.А. Кольцовой, Н.В. Мешалкиной и

Ю.Н. Олейника "Целостно-жизненный подход к исследованию психогеронтологии в России"). Данному разделу предшествовала небольшая вводная статья, написанная московским соредактором, в которой англоязычным читателям излагают его замысел, в частности, объясняют степень влияния и сложность проблемы алкоголизма, а также сопутствующей ей психологической травмы и т.д., делая упор на особой значимости "принятия алкоголя как социальной активности" (с. 162) в Советском Союзе и России (с. 165).

Натан в своей 25-ти страничной работе представил всесторонний (социологический, патофизиологический, клинический, генетико-биологический и социокультурный) анализ алкоголизма в США в сочетании с предельно взвешенным и основательным рассмотрением его психотерапии. Из этой публикации читатель узнает, что в США от 14 до 16 млн. человек манифестируют поведенческие симптомы, соответствующие критериям DSM-IV злоупотребления алкоголем или зависимости от него. Четко выдерживая многоплановый системный подход, автор приводит многочисленные результаты экспериментальных исследований проблемы, в том числе и на животных. Оказывается, например, что крысы с алкогольной зависимостью только тогда демонстрировали толерантность к алкоголю, когда их тестировали в среде, ассоциирующейся у них с употреблением алкоголя. Если же алкоголь давался в новой обстановке, толерантности не наблюдалось (с. 177). Интересно также узнать: более 70% высокопоставленных служащих в США пьют и у них не формируется алкогольная зависимость, но последняя весьма вероятно у работников транспорта, которые в гораздо меньшей степени склонны к алкоголизации. Чрезвычайно глубокая и информативная статья Натана исчерпывающим образом не только характеризует проблему алкоголизма в США, но и трактует ее как социопсихологическую дисфункцию организма, личности, социума.

Статья Братуса посвящена социально-политическим и психосоциальным аспектам алкоголизма в Советском Союзе и современной России. Она в острой публицистичной форме освещает "административный восторг", порожденный последней из всех попыток партии и правительства ввести сухой закон в СССР, что сопровождалось варварской вырубкой ценнейших сортов виноградных плантаций, разрушением дорогостоящего винодельческого оборудования, подрывом экономической основы существования винодельческих республик и регионов (Грузии, Армении, Молдавии, Крыма). Для объяснения социальной и психологической специфики советского и постсоветского русского алкоголизма автор использует экспликативный потенциал деятельности теории, убедительно интерпретируя псевдокомпенсаторные попытки пьяных достичь иллюзорных личностных целей и смыслов путем подмены подлинной деятельности индуцированными алкогольным отравлением рационализациями в "театре алкоголиков" (с. 206–208). Эту низкую символическую деятельность миллионов людей, личные мотивы которых варьируют от реакций протеста до псевдокомпенсаторных, Братусь увязывает с репрессивным характером тоталитарного государства, на самом деле подавлявшего личностную инициативу и личностно-значимую мотивацию деятельности. Вопрос, поставленный автором в конце статьи: "Если русские продолжат избыточное употребление алкоголя, что будет с нашей страной и русскими людьми?" — выходит далеко за рамки чистой науки.

Статья Крамер и Грин посвящена историческому контексту и эволюции как самого феномена, так и соответствующего понятия. Проследившая понятие "травма" от работ Шарко, Фрейда и Брейера до клинических симптомов, описывающих это расстройство в DSM-IV, версии диагностического справочника психиатров США 1994 г. издания, авторы подчеркивают: на различные эмоциональные травмы в разных ситуациях люди реагируют в общем-то весьма сходным образом (с. 223–224). Повторяя, что медико-биологические аспекты ПТСР связаны, в частности, с перевозбуждением симпатической ветви ВНС по причинам гипердренагического состояния и нарушения функционирования гипоталамо-адренкортикальной системы, соавторы отмечают: в итоге наступает

разбалансировка эндогенных механизмов опиоидной системы. Отсюда столь важно значение психотерапии, поскольку одна лишь медикаментозная терапия не затрагивает когнитивных и личностных механизмов психологической саморегуляции. В статье приводятся новейшие данные по лечению ПТСР и солидный список использованной литературы.

Статья московского психолога Магомед-Аминова посвящена экзистенциальным аспектам экспериментального анализа ПТСР на примере участников и ветеранов боевых действий. Сравнивая переживания североамериканских и советских (позже российских) солдат – участников последних крупных международных и внутренних военных конфликтов (Вьетнам, Афганистан, Чечня), автор приводит результаты исследований, обнаруживающих когнитивный диссонанс, вытеснение, другие защитные механизмы, вызванные человекоубийством, а также иными деструктивными действиями, моральное и нравственное оправдание которых лишено оснований в глазах социума и самого субъекта этой деятельности, что естественным образом обесмысливает вначале эту деятельность, а затем, генерализуясь, и самую жизнь личности.

Последняя рубрика раздела открывается статьей проф. психологии Солтхауза, которая представляет собой обзор современных и весьма обширных североамериканских исследований по геронтопсихологии. Автор указывает основные темы этих исследований (старение и работа; старение и познавательные процессы; старение и общественные отношения; старение и выход на пенсию, психическое здоровье, жизнь в старости и, наконец, – старение и умирание), а также рассматривает перспективы разработки данной проблематики, подчеркивая ее компенсаторный характер, важнейшие направления исследований (ранняя диагностика возрастных патологий, причины когнитивных дисфункций, возможности повышения удовлетворенности жизнью в старости и т.п.).

В завершающей статье раздела московские психологи Кольцова, Мешалкина и Олейник представляют краткий очерк истории отечественной психогеронтологии, начиная с первых работ в данной области, датированных 1839 и 1848 гг. Они отмечают своеобразный расцвет исследований в период, предшествующий Великой Отечественной войне, когда в 1938 г. в Советском Союзе состоялась первая в мире научная конференция по геронтологии. Авторы подчеркивают богатые отечественные традиции и внимание к проблеме долголетия в СССР, связанные, во-первых, с определенными достижениями и устремлениями русских и советских ученых (И. Мечников, С. Боткин, И. Сикорский, А. Богомолец и др.), а, во-вторых, с идеологически модной в 30-е гг. тенденцией обсуждения проблем долголетия в стране победившего социализма. Справедливо отмечая, что пиком расцвета геронтологии в СССР явилось создание в 1960 г. в Киеве Института геронтологии, авторы подчеркивают: начиная с 70-х гг. государственная поддержка этого направления ослабла, а что касается проблем собственно психологии пожилого возраста, то “за два десятилетия, вплоть до девяностых годов, единственным Институтом геронтологии в СССР не было опубликовано ни одного психологического исследования” (с. 282). Вместе с тем в статье выражается надежда, что в новой России богатые отечественные традиции исследования психологических аспектов и проблем старения протерпят новые пути и принесут ценные психологические результаты.

Третий раздел “Предрассудки и межэтническая вражда” открывается статьей Г. У. Солдатовой, научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН (Москва), “Иностранцы на собственной родине (этнопсихологические проблемы иммигрантов в России)”. Статья представляет собой тщательное и внимательное к деталям описание нового социально-психологического явления последних лет, связанного с приездом в Россию русских людей. В бытность свою советскими гражданами они жили по всем городам и весям «необъятной советской родины, а когда в результате борьбы за власть страна была разрушена ее собственными руководителями, оказались чужаками вначале в бывших союзных республиках, а затем и у себя “дома”, на территории России». Невозможно, конечно, в краткой рецензии хотя бы в первом

приближении отобразить чрезвычайно корректный, взвешенный и аргументированный текст Солдатовой, освещающий и хронологии межэтнических конфликтов на Северном Кавказе, и проблемы вынужденных беженцев, и экспериментальные исследования трансформации межэтнических взаимодействий, и реакции людей на ситуацию вынужденной дезадаптации – фрустрацию, агрессию и т.д. Автор, как и многие русские ученые, в конце статьи обращает внимание уже не на научные, а жизненные и житейские нужды этих людей, ставших жертвами войны недалековидных политиканов против собственного народа.

Следующая статья раздела написана А. Кирчом, М. Кирч, В. Петтаи и Т. Туиск из которых Петтаи – исследователь из университета Колумбии, а остальные соавторы – сотрудники Института международных и общественных исследований Эстонской АН (Таллин). Она называется “Изменение этнической гражданской принадлежности в Эстонии” и посвящена такому интересному феномену, как превращение небольшого народа в этнологическое большинство с обретением политической независимости от Москвы, и тем проблемам, которые возникли в связи с этим для самих эстонцев и лиц иной этнической принадлежности (бывших советских граждан). Исследователи четко констатируют положение русских и русскоязычных людей в Эстонии, которым было отказано в автоматическом предоставлении гражданства; определяют отличие в смыслах гражданской принадлежности эстонцев и русских в советском государстве: русские ощущали себя советскими, эстонцы – несветскими. В заключение соавторы высказывают мнение, что эстонским русским следует принять эстонскую культуру, язык, более полно участвовать в строительстве создаваемого заново эстонского государства. Тогда можно будет изменить и их гражданский статус.

Третья статья раздела “Межэтническая нетерпимость в постсоветской Украине” принадлежит киевским социологам Е.И. Головахе и Н.В. Паниной. Эти исследователи, подчеркивая полиэтничность населения современной Украины, весьма резко – со свойственной социологам любовью к процентам и основываясь на методическом аппарате 20-х гг. – подчеркивают межэтническую нетерпимость внутри республики и тенденцию к государственному сепаратизму, ярко проявившуюся с 1992 г. Особо они останавливаются на еврейском вопросе. По мнению авторов, одной из наиболее болезненных проблем для украинских евреев является утрата своего языка, более 90% украинских евреев считают родным языком русский (с. 317). Кроме того, авторы обнаружили, что этническая терпимость является самой низкой среди тех, кто предпочитает низкие цены и дефицит товаров, а высокой – среди предпочитающих “высокие цены и широкий выбор товаров и услуг” (с. 323). Общие выводы статьи в том, что сытые менее враждебны, чем голодные...

В отличие от вышеупомянутых, авторы следующей работы (“Предрассудки и дискриминация. Старые парадигмы в новых психологических моделях”), нью-йоркские психологи профессор П. Рейд и докторант Н. Холланд, сосредотачиваются не на процентах, характеризующих некое соотношение общего и целого, определяющиеся методикой, а пытаются понять, что руководит нами, побуждая отстаивать однородность “...и сопротивляться изо всех сил угрозе статуса или status quo” (с. 325). Определив ведущие термины – “предрассудок”, “расизм”, “сексизм”, “стереотипы”, “дискриминация” – авторы освещают краткую историю исследований предрассудков, а затем прослеживают на материалах многих работ различные детерминанты, такие, как власть, личность, идентичность и социальные взаимоотношения, используемые в анализе предрассудков. Авторы подтверждают выводы других исследователей о том, что “отрицательные установки соотносятся с властью, личностью и социальными условиями” (с. 337). Вместе с тем они совершенно справедливо проблематизируют прежние, старые исследовательские подходы и признают необходимость новых, более тонко и “умудренно” разработанных перспектив изучения этой сложной проблемы.

Завершает третий раздел статья психологов из университета Калифорнии проф. С. Сью и Дж. Каплана “Этническая

психология в Соединенных Штатах". Определив феномен "этничность" (от греч. "этнос" – народ) в отличие от "расы" (физические характеристики) и "культуры" (субъективные нормы) как некую пирамиду тождественных признаков, объединяющих людей на основе прежде всего ощущения групповой общности в противопоставлении с другими группами, авторы рассматривают главные этнические меньшинства США в динамике их становления и конфликтов: афро-американцы (негры), испано-американцы (метисы), азиатско-американцы (желтые) и "коренные американцы" (индейцы). Ссылаясь на многочисленные психологические исследования, авторы указывают, что явные этнические отличия чрезвычайно многоаспектны. Это и академическая успеваемость, и эмоциональная экспрессия, и когнитивные стили, и супружеские установок, и даже уровень психопатологии (с. 351). Далее в статье рассматриваются две принципиальные модели формирования межэтнических конфликтов: неполноценности и дефицитарная. В рамках первой этнические меньшинства трактуются как неполноценные в сравнении с более продвинутыми этносами, а в рамках второй утверждается принцип, согласно которому стресс, создаваемый в результате установочного отношения к этническим меньшинствам, приводит к подрыву способности преуспевать у их представителей. Выход авторам видится в утверждении культурного плюрализма.

Четвертый раздел включает две статьи. Первая – "Психология окружающей среды: эволюция и нынешний статус" принадлежит перу П. Белла и Э. Сандстрема, профессоров психологии из университета Колорадо и штата Теннесси. В статье дается краткий очерк этой относительно молодой (существующей в США около 30 лет) психологической дисциплины, указываются ее отличительные признаки, междисциплинарный характер и категориальный аппарат, в котором основополагающие понятия весьма эклектично заимствованы из разноязычных отраслей психологии. Эти понятия – стресс, адаптация, поведенческая константа, перегрузка, чрезмерная стимуляция и т.п. Указывается и основная проблематика психологии окружающей среды: шум, городской стресс, шум и агрессивность и т.п. Особое внимание уделяется вопросам организации жилищного и городского пространства, проблемам преступности. Авторы выражают надежду, что, собрав воедино концептуальный аппарат и достижения социологии, когнитивной, педагогической психологии, новая дисциплина сумеет принести значительную пользу в будущем.

Вторая статья раздела "Психология окружающей среды и "зеленая" психология в бывшем Советском Союзе" написана С. Дерябо и В. Ясвинным. Эта завершающая и раздел, и весь сборник статья посвящена становлению и развитию экологической психологии и, в частности, движению "зеленых" в бывшем СССР. Напоминаю, что сам термин "экология" был введен Э. Геккелем еще в 1866 г., авторы выделяют следующие аспекты в современной психологической науке, связанные с экологией: психологическую экологию (дисциплину), экологический подход (например, у Дж. Гибсона к восприятию), психологию окружающей среды (область психологии) и экологическую психологию (то, что, собственно, соответствует движению "зеленых", направленному на сохранение живой природы). Проанализировав влияние идеологических установок и ценностей на выстраивание урбанистических ландшафтов и человеческого жилища в бывшем Советском Союзе, авторы проводят важное многоплановое различие двух противоположных подходов к природе: антропоцентрического и экоцентрического. Различие это касается прав (например, "все живое имеет равные права" в противовес "правами обладает только человек"), этики ("понятие "этики" применимо только к человеческим отношениям") – в противовес утверждению "понятие "этика" применимо к отношению человека и с другими существами" и др. В статье приводятся также результаты опроса детей в Даугавпилсе с целью выяснения исходных установок у детей и подростков к природе, из которых ясно, что чем ребенок старше, тем чаще у него проявляется экоцентрическая позиция в воззрениях на природу (с. 403).

Итак, каковы самые общие впечатления от этого весьма представительного и солидного издания?

Если говорить о "человеческом измерении" освещаемых проблем, нельзя не констатировать очевидное: во многом они весьма и весьма сходны. Привычная до оскомины тенденция – сравнения как "у нас" и как "у них" – с очевидностью показывает: у нас алкоголизм процветает, и у них алкоголиков 16 млн. И у нас лгут, и у них лгунов хватает. У нас есть этническая нетерпимость, у них она сплошь и рядом. У нас люди страдают от стрессов, и у них подобных страданий немало. В смысле проблематики, пожалуй, трудно найти различия. Они ощущаются, скорее, в подходах, в манере и стиле изложения. Нельзя не отметить, к примеру, что среди отечественных авторов собственно научный, т.е. лишенный идеологического пафоса, политизации и личностных коннотаций подход чувствуется, за небольшим исключением, лишь в нескольких статьях. В остальных работах наших авторов ощущается некая извинительность, направленная на смягчение абсурдности жизненных реалий, желание "быть как люди", жалобы в адрес "покойного" государства, самирония, вненаучный пафос и т.п. Очевидно, долгие десятилетия идеологического пресса дают о себе знать, и исследователи вместо изучения явления прибегают к его интерпретации, иллюстрируя, скорее, феномен казуальной атрибуции, чем собственно научный подход к делу. В постсоветских текстах рецензируемого сборника присутствует, на мой взгляд, некое наивное верование в то, что "заграница нам поможет", хотя бы тем, что посочувствует, как нам плохо или посмеется вместе с нами над тем, над чем смеемся и мы.

Авторы из США гораздо менее эмоциональны в семантике и стилистике, зато более информативны и объективно профессиональны в содержательном плане. Они не склонны к интерпретациям, предлагая многоуровневые описания и модели; не вдаются в пафос, а приводят конкретную информацию.

Думается, глобальное отличие текстов происходит прежде всего по той причине, что хотя о Советском Союзе написано много публицистической и эмоционально окрашенной (в том числе и художественной) прозы, до сих пор не была осуществлена научная рефлексия, позволившая бы объективно констатировать: что собственно происходило в России в XX столетии. Смею надеяться, что русские, да и в целом постсоветские психологи (прежде всего – психологи!) попытаются решить эту познавательную проблему. Тогда, возможно, российские авторы не будут ошибочно писать, что "первым русским, получившим Нобелевскую премию, был И. Мечников" (с. 276), хотя им был И.П. Павлов (1906 г.).

И, возможно, даже случится так, что пользоваться в 1992 г. методикой 1925 г. в социологических исследованиях станет неприлично (с. 324), а взрослые русские авторы будут называть себя Натальей, а не Наташей (с. 272). И, возможно, тогда отечественные психологи так же не побоятся высказывать диагностические формулировки в адрес политических фигур, как сегодня психологи из США не опасаются высказать мнение о политиках, у которых "плохо функционирует щитовидная железа" (с. 70). От ученого ждут ведь не нравочений и интерпретаций. Для первых существуют священники и моралисты, вторых – астрологи и психоаналитики. От ученого требуются квалификационные суждения, вскрывающие сущность разноуровневых и разноплановых явлений.

Досадно, что в книге есть некоторые ошибки и опечатки. На с. 79 под названием статьи В.В. Знакова не указана фамилия автора; статье "Пост-травматическое стрессовое расстройство" ошибочно указаны инициалы Ф. Шапиро (с. 237); на с. 165 пропущен глагол "to be" и др.

Однако, как бы то ни было, рецензируемое издание останется памятником уходящей эпохи, внимательно читая который, прежде всего мы, – постсоветские психологи – будем все глубже вглядываться в себя, свое прошлое и настоящее, не покаяваясь, невозможно сделать осознанный шаг в будущее.

А.Ф. Бондаренко,
зав. кафедрой психологии Ун-та иностранных языков,
Киев